

Л.Чарская

По царскому повелению.

Исторический рассказ.

С шумом, свистом и гиканьем неслась по дороге, ведущей из слободы Александровской в Москву-столицу, огромная толпа всадников. Все они были на подбор молодец к молодцу, широкоплечие, рослые, сильные, молодые. Дорогие кафтаны их, выложенные серебром с драгоценными запонами из камней вместо пуговиц, отороченные мехами собольими, так и горели и искрились в лучах осеннего солнышка. На богато расшитых седлах на крупе коня торчали у каждого из них метлы и песьи головы -- отличительные знаки принадлежности к опричнине, как называлась стража, телохранителей государя-батюшки, Ивана Васильевича.

Впереди всех, на рослом, статном коне, одетый много наряднее своих товарищей, в собольей шапке, лихо заломленной набекрень, ехал начальник отряда, молодой опричник, князь Афанасий Вяземский, ближний стольник царя.

Князь то пускал на всем ходу своего кровного коня, то сдерживал его через силу, заставляя животное кусать удила и устилать путь комками пены, падающими с его статной спины.

Всадник чувствовал себя прекрасно. Поручение, возложенное на него царем, заметно радовало и тешило его. По крайней мере, эта радость сквозила во всех чертах красивого, смуглого лица князя и так и сверкала огнем в его черных как ночь глазах.

Позади него ехал еще совсем юный, красивый опричник, недавно ставший любимцем царя -- Федор Басманов.

Никто бы не сказал, глядя в это женственное, кроткое лицо юноши, что Федя Басманов, не задумываясь, готов снести голову каждому, кто встретится на его дороге. Никто бы не заподозрил, что он уже многих, многих невинных сумел оклеветать в глазах царя и после их казни широко воспользовался оставшеюся после несчастных мучеников казной...

-- А что, княже? Будем на месте к полдню? -- послышался молодой, нежный голос Басманова.

-- Надо што так. Царь-государь строго наказывал, штоб к вечерне в слободу обратно, -- отвечал Вяземский и пришпорил коня.

Пришпорили за ним и остальные... Теперь вся ватага неслась с бешеной быстротой словно на пожар... Вот замелькали предместья Москвы... Засверкала голубым огнем Москва-река... Вон и купола Успенского собора загорелись совсем близко в солнечных лучах...

Как только появились опричники на московских улицах, все точно вверх дном перевернулось. Встречные сворачивали с дороги... Торговцы, расставившие свои лотки на площади, поскорее убрали товары и каждый скрывался куда мог.

Встречные в колымагах бояре низко кланялись передовому опричнику, князю Вяземскому, о котором шла молва на всю Москву.

Вскоре и вовсе опустели московские улицы... Жители заперлись в домах и тишь да пустота воцарилась в городе.

-- Ишь ты! Хошь шаром покати! -- рассмеялся князь Вяземский, указывая плеткой на опустевшие улицы. -- Чего доброго, и в боярском доме ничего не найдем.

-- Ин и искать не придется, -- с недоброй усмешкой произнес Федор Басманов. -- Слыхал, небось, княже, как государь-батюшка повелел. Чтобы камня на камне не оставить значит... Чтобы все владение изменника Колычева в пух разнести... И семью перерезать, не щадя ни детей, ни слуг, чтобы никого из крамольников не осталось... Ох, будет дела нашим ребятам!.. Да и нажива слышь, чую я, достанется знатная.

-- Ты все про наживу, Федор Алексеевич, -- презрительно улыбнулся Вяземский.

-- Вестимо, княже... Всяк о своем благе думает. Государь-батюшка ведь в полное володенье нам все Колычевское добро отдал. Не помнишь разве?.. Али жаль тебе изменника? -- хитро прищурившись, заключил свою речь Басманов.